

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА В 1930-е ГОДЫ

(ПЕРЕПИСКА РЕДАКЦИИ «ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА» С Г. А. ГУКОВСКИМ
И ДРУГИМИ АВТОРАМИ)*

Поиски истоков и начал — занятие вообще неблагоприятное. Невозможно установить, когда стали изучать русскую литературу XVIII века.¹ В определенном смысле можно сказать, что еще до того, как этот век закончился; исследования и публикации XIX века дали нам богатейший фактический материал, во многом до сих пор не исчерпанный; редкая крупная историко-литературная проблема в этой области не была поставлена впервые до Октябрьской революции. С конца XIX века и до 1920-х годов в Петербурге—Петрограде—Ленинграде несколько раз предпринимались попытки превратить исследования по литературе XVIII века из предмета персонального интереса отдельных ученых в область занятий более-менее организованной группы.² И все же нельзя не признать, что именно в 1930-е годы история русской литературы XVIII века сложилась как отдельная литературоведческая дисциплина. В 1934 году была создана Группа по изучению русской литературы XVIII века в Пушкинском Доме, в 1935 году вышел первый выпуск сборника «XVIII век», в 1938-м — первый том академического собрания сочинений А. Н. Радищева; были составлены использующиеся до сих пор вузовский учебник и вузовская хрестоматия. Во всех этих событиях, каждое из которых — века в истории нашей науки, принимал самое непосредственное участие Г. А. Гукковский: как автор, редактор и руководитель. С его именем связано и еще одно издание, без которого отечественная диэлютемистика 1930-х годов, да и нынешняя немислимы: выпуск «Литературного наследства», целиком посвященный XVIII веку (1933. № 9—10).

Значение этого издания очевидно, и обусловлено оно не только богатым фактическим материалом, впервые введенным в научный оборот, но и теми принципиальными статьями о развитии посвященного XVIII веку литературоведения, которые составили основу примечательной дискуссии 1930-х годов по этой проблеме. Т. 9—10 «Лит. наследства» неоднократно уже становился объектом исследовательского интереса: о нем писали, и анализируя ту самую полемику (П. Н. Берков, И. З. Серман),³ и останавливаясь на спор-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям (грант Президента Российской Федерации для поддержки молодых ученых № МК-5487.2008.6).

¹ Берков П. Н. Введение в изучение русской литературы XVIII века. Ч. I. Очерк литературной историографии XVIII века. Л., 1964.

² Этим попыткам был посвящен доклад М. П. Лепехина «К предистории Группы по изучению русской литературы XVIII века», прочитанный 26 февраля 2004 года на юбилейном заседании Сектора по изучению русской литературы XVIII века ИРЛИ РАН. Пользуясь случаем, сердечно благодарю М. П. Лепехина за ценные замечания при подготовке настоящей статьи.

³ Берков П. Н. Введение в изучение русской литературы XVIII века. С. 193—217; Серман И. З. Забытый спор (из истории изучения русской литературы XVIII века) // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 293—303.

ных вопросах, связанных с его публикацией. Неоднократно затрагивалась судьба подготовленной для этого тома переписки Екатерины II с Г. А. Потемкиным, перевод которой был издан контрафактно в Париже в 1934 году;⁴ на русском языке письма были опубликованы Н. Я. Эйдельманом в 1989 году по сохранившимся в архиве В. Д. Бонч-Бруевича гранкам;⁵ некоторые подробности о скандале, разразившемся в связи с парижской публикацией, раскрыл В. С. Лопатин в посвященном этой переписке томе «Литературных памятников»;⁶ дополнительные сведения сообщил позже С. В. Шумихин.⁷

Другой вызвавший интерес раздел тома «Лит. наследства» — публикация материалов Н. А. Львова женой Г. А. Гуковского З. Артамоновой. В рецензии на сочинения Н. А. Львова, подготовленные К. Ю. Лаппо-Данилевским, М. Д. Эльзон высказал предположение, что подлинным автором публикации 1933 года являлся репрессированный на тот момент ученик Гуковского С. Б. Рудаков.⁸ Как убедительно показали С. И. Панов и Н. М. Сперанская, предположение это неосновательно.⁹ Доказательной базой для их заметки послужила сохранившаяся в РГАЛИ переписка Г. А. Гуковского с редакцией «Лит. наследства».¹⁰ Этот же материал, но в более полном виде лег и в основу настоящей статьи. Как показывает знакомство с перепиской, занимающей более 180 листов (здесь и рукописные письма Гуковского, и машинописные отпуски редакции), правильная атрибуция публикации, посвященной Львову, — всего лишь незначительный эпизод из крайне увлекательной истории составления тома «Лит. наследства» о XVIII веке, занявшей почти два года в то бурное время, которое в сфере литературы и науки о ней отмечено в его начале крайним усилением РАПП, а в конце — возникновением понятия «соцреализм», I съездом Союза советских писателей и постановлением ЦК «О преподавании гражданской истории в школе». Помимо переписки редакции с Гуковским, была использована также переписка с такими авторами, как Я. Л. Барсков, П. Н. Берков, Л. Я. Гинзбург, М. О. Габель и несколькими другими. К сожалению, в фондах РГАЛИ хранится переписка «Лит. наследства» только с участниками издания, фамилии которых начинаются на буквы с А до Г. Поэтому здесь не представлена переписка редакции с остальными авторами: С. Ф. Елеонским, Д. М. Святополк-Мирским, И. С. Троцким, В. М. Шкловским, Н. Харджиевым и другими.

⁴ *Lettres d'amour de Catherine II à Potemkine* / Publiées par Georges Oudard. Paris, 1934.

⁵ Эйдельман Н. Я. Письма Екатерины II Г. А. Потемкину // Вопросы истории. 1989. № 7. С. 111—118.

⁶ Лопатин В. С. Письма, без которых история становится мифом // *Екатерина II, Потемкин Г. А. Личная переписка* / Изд. подг. В. С. Лопатин. М., 1997. С. 486—488.

⁷ Шумихин С. 1) Бонч и Зильбер. Правдивая история переписки Екатерины с Потемкиным // Политический журнал. 2005. 29 авг. № 28 (79). С. 92—94; 2) Бонч и Зильбер. Правдивая история переписки Екатерины с Потемкиным (к 100-летию Ильи Самойловича Зильберштейна) // Информпространство [газета]. 2005. № 10.

⁸ Эльзон М. Д. Звездный час Николая Львова [Рец. на: *Львов Н. А. Избранные сочинения* / Сост. К. Ю. Лаппо-Данилевский. СПб.; Кельн, 1994] // *Russian Studies*. 1995. Vol. I. № 4. P. 379—383.

⁹ Сперанская Н. М., Панов С. И. Еще раз о проблеме авторства в историографии Львова // *Гений вкуса. Материалы научной конференции, посвященной творчеству Н. А. Львова*. Тверь, 2001. С. 348—354.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. № 67. В 1996 году по материалам этой переписки С. И. Пановым на IV Банных чтениях был сделан доклад «Г. А. Гуковский в „Литературном наследстве“» (Хроника Банных и Первоапрельских чтений // *Новое литературное обозрение*. 2003. № 59. С. 518). Пользуясь случаем, автор статьи выражает признательность С. И. Панову за обстоятельные консультации.

Сдвоенный (№ 9—10) том «Лит. наследства» о XVIII веке вышел в свет в декабре 1933 года¹¹ и стал шестой по счету книжкой этой серии. В набор его начали сдавать, что указано в самой книге, 5 апреля того же года, однако, как показывает переписка, первые материалы к нему уже готовились, когда еще не был полностью собран первый номер журнала, осенью 1931 года. Поэтому для того, чтобы понять, как формировался № 9—10, следует хотя бы вкратце сказать о том, что представляла собой выдающаяся серия, когда она только еще начиналась.

Впервые объявление об издании «Литературного наследства» было опубликовано в «Литературной газете» от 20 августа 1931 года. В нем указывалось, что «Лит. наследство» представляет собой печатный орган РАПП и Института литературы, искусства и языка Комакадемии и издается под редакцией Л. Л. Авербаха, И. Ипполита (И. К. Ситковского) и Ф. Ф. Раскольникова. Далее шли программные положения: прежде всего сообщалось, что «Лит. наследство» «разрабатывает с марксистско-ленинских позиций, под углом зрения современности, узловые вопросы истории русской общественной мысли, истории литературы и истории журналистики». И только на втором месте значилось, что журнал «публикует неизданные материалы и документы по истории литературы и истории общественной мысли». Однако сразу вслед за этим отмечалось: «Особое внимание „Л. Н.“ уделяет разысканиям и публикациям неизданного и затерянного литературоведческого наследия классиков марксизма. В центре внимания будут стоять публикации документов и материалов, относящихся к истории и предыстории пролетарской литературы».¹² Эти программные положения следует учитывать, оценивая первый выпуск «Лит. наследства», где более половины книги занимают материалы о взглядах на литературу Энгельса, Ленина и Плеханова или публикуется, например, такое мало относящееся к литературе сочинение, как «Записки крепостного рабочего Петра Кротова о Кулавинской мануфактуре» (их появление объясняется просто: в это время одним из масштабных проектов РАПП была «История фабрик и заводов»).

В 1931 году РАПП заканчивала борьбу с писательскими фракциями, последним крупным событием которой стал роспуск осенью 1930 года объединения «Литфронт». К 1931 году борьба велась уже не столько с собственно писателями, сколько с теоретиками и историками литературы — В. Ф. Перверзевым и А. К. Воронским с одной стороны и Г. Е. Горбачевым — с другой. В результате чистки из Института литературы и языка Комакадемии была уволена большая часть его руководства — члены «Литфронта»; в конце июня 1931 года директором Института был назначен А. В. Луначарский, а его заместителями — рапповцы С. С. Динамов и И. Ситковский. В итоге «Литературная газета», орган РАПП, к середине июля могла заявить: «Институт ЛИЯ становится центром большевистской теории».¹³ 25 июля «Литературная газета» вышла с передовицей «Необходима плановость в теоретической работе», в которой особо затрагивались проблемы историко-литературной науки: «За последнее время значительно уменьшился выпуск исследовательских работ по основным вопросам истории литературы (...) Нам необходимы (...) серии книг, брошюр и исследовательских статей по всем основным вопросам литературы. Нам предстоит осмыслить груды накопленных литературных фактов (...) Нам нужна своя, марксистско-ле-

¹¹ [Объявление о выходе из печати] // Лит. газета. 1933. 23 дек. № 59. С. 6.

¹² [Объявление о подписке] // Там же. 1931. 20 авг. № 45. С. 6.

¹³ Динамов С. А. Институт ЛИЯ становится центром большевистской теории. Общая работа с ВОАПШ и РАПП — основа движения вперед // Там же. 1931. 15 июля. № 38. С. 2.

нинская история литературы». Что же предлагалось сделать? «Основным препятствием, мешавшим решению охарактеризованной выше задачи, являлась **БЕСПЛАНОВОСТЬ** в научно-исследовательской литературоведческой работе (...) Необходимо ускорить выработку большого, практически выполнимого, перспективного плана (...) Разумеется, что этот план должен быть подчинен основным запросам практики литературного движения в СССР, должен быть лишен налета отвлеченного академизма».¹⁴ Положения этой передовицы очень важны для понимания характера будущего тома № 9—10 «Лит. наследства», в первую очередь — статьи Гуковского «За изучение восемнадцатого века». Изучение истории литературы выводилось РАПП за пределы случайного индивидуального исследовательского интереса; на место бессистемного исследования — «накопления фактов» — должна была встать плановая работа, создание общей для всех концепции историко-литературного процесса, причем выстраиваемой на единственно верной марксистско-ленинской платформе. В этом свете становятся понятны такие, например, суждения из статьи Гуковского: «Весь идейный смысл (и разумеется социальное содержание) работ фактофиков и филологов XIX в. давно растерялся, поблек, забылся. Остался лишь интерес к факту, как таковому. Подлинные пути нашей науки лежат не здесь»;¹⁵ «Плановость не сделалась еще принципом, руководящим работой нашей литературоведческой науки (...) Здесь царит еще самотек (...) Вопрос об организации научных сил в данной области (...) стоит того, чтобы о нем подумали наши научно-исследовательские учреждения. Еще существеннее то, что анализ литературы XVIII века под углом зрения марксизма-ленинизма почти еще не начинался».¹⁶

Собственно, попыткой организации подобной плановой, четко с идейной точки зрения выстроенной историко-литературной работы и должно было стать издание «Литературного наследства». Выпуском этого объемного, с лучшей полиграфической базой, журнала (в объявлении о подписке сообщалось, что издание будет богато иллюстрировано)¹⁷ РАПП заявляла свои права на идейное руководство не только писательским или теоретико-литературным, но и историко-литературоведческим сообществом. Политизированный, «тенденциозный» привкус первых номеров «Лит. наследства» хорошо ощущался всеми литературоведами, связанными с изданием. Приведу два примера. В ноябре 1931 года Ю. Г. Оксман писал Н. К. Пиксанову о своей предназначавшейся в «Лит. наследство» статье про «„Рус(скую) Волю” и разложение буржуаз(ной) литературы предреволю(ционной) поры»: «Тема скользкая, материал мне чужой, задача не столько научно-исслед(овательская), сколько публицистическая».¹⁸ В январе 1932 года М. С. Боровко-

¹⁴ Необходимо плановость в теоретической работе [передовица] // Лит. газета. 1931. 25 июля. № 40. С. 1.

¹⁵ Гуковский Г. А. За изучение восемнадцатого века // Лит. наследство. 1933. Т. 9—10. С. 310.

¹⁶ Там же. С. 319.

¹⁷ [Объявление о подписке] // Лит. газета. 1931. 20 авг. № 45. С. 6. Следует учитывать, что «Литературное наследство» возникло в момент преобразования издательской деятельности в СССР. Так, акционерное общество «Огонек», где должен был выпускаться журнал, уже 1 сентября было преобразовано в «Журнально-газетное объединение». Иллюстрированный характер «Лит. наследства» определялся, по-видимому, и следующим положением постановления ЦК ВКП(б) «Об издательской работе» от 15 августа 1931 года: «Качество издаваемых журналов все еще находится на низком уровне, (...) журналы зачастую не являются боевыми изданиями. (...) ЦК считает, что улучшение качества периодических изданий (в части техники оформления, иллюстраций) становится одной из важнейших задач ОГИЗ, Партиздата и Гостехиздата, научно-исследовательских институтов и наркоматов».

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 224. Л. 92; ориг. — ИРЛИ.

ва-Майкова, предлагая редакции письма П. А. Вяземского жене, замечала: «Оба автографа имеют лишь бытовой характер и другого освещения подвести нельзя, а насколько я познакомилась с „Литературным Наследством“, оно печатает вещи только политически обусловленные».¹⁹ Политический характер журнала подтвердила и появившаяся в «Правде» рецензия на первые его выпуски. На эту рецензию ссылался, используя ее как главный козырь, И. С. Зильберштейн в переписке с Центрархивом, пытаясь наладить плановую поисковую работу для гетевского и последующих томов: «Журнал „Литературное наследство“ с первого же своего номера явился по отзывам таких авторитетных органов, как „Правда“, большим завоеванием марксистско-ленинской критической мысли²⁰ (...) Правильное политическое осмысление историко-литературных материалов и высокое полиграфическое оформление его служат основаниями для того, чтобы как в СССР, так и на Западе наша культурная миссия делала большие результаты».²¹ Еще и в конце 1933 года текст объявления о подписке на «Лит. наследство» был составлен таким образом, что собственно литературе в нем отводилось последнее место; во всяком случае, она должна была пониматься совершенно определенным образом: «„Литературное наследство“ ставит своей задачей марксистско-ленинскую разработку истории русской общественной мысли и истории литературы».²²

Вот в такой-то, остро «политически обусловленный» журнал и обратился в конце сентября 1931 года Г. А. Гуковский. Как видно из его первого письма, вряд ли, конечно, именно политический характер привлек ученого в это издание; дело было, скорее, в том, что «Лит. наследство» обещало стать ведущим историко-литературным печатным органом страны. Поэтому ученым, не смущавшимся его политизированным характером, важно было по возможности быстрее войти в обойму авторов издания. Своим письмом Гуковский больше обозначал себя и свою тему, чем делал конкретное предложение: письмо, адресованное секретарю редакции и общепризнанному основателю серии И. С. Зильберштейну, начинается следующими словами: «Глубокоуважаемый Илья Самойлович! Я беру на себя смелость обратиться к Вам, как к секретарю Лит. Наследства, с письмом, хотя не имею никаких определенных деловых предложений для Вашего издания».²³ Однако политическая составляющая, особенно в подаче материалов по XVIII веку, Гуковским явно хорошо осознавалась. Вот что он предлагал: «В XVIII и нач. XIX в., в эпоху, когда газеты не было и политико-обществ(енные) вопросы не дебатировались печатно, существовала непрерывная традиция подпольной стиховой литературы (...) Традиция эта (...) дала ряд любопытных произведений. Меня интересует, нельзя ли было бы сделать что нб. с таким материалом» (л. 1 об.); «Только что прочел в IV номере „Лит(ературы) и Марксизма“ опубликованный с самым неполным и неверным комментарием плач экономических крестьян. Между тем, в моем распоряжении находятся две других пьесы того же жанра (...) пожалуй, более интересные. Есть и памфлеты (противоцарские и т. под.)» (л. 2). Спрашивал Гуковский и о возможности публикации эротической поэзии: «Конечно, такое издание, как напр. Л. Насл., не может иметь дела с прямой порнографией; но хорошо

¹⁹ Там же. Ф. 603. Оп. 1. № 25. Л. 5 об.

²⁰ Просмотр подшивки «Правды» за сентябрь 1931-го — февраль 1933 года в газетном фонде РНБ выявить данную рецензию не позволил.

²¹ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. № 2565. Л. 60.

²² [Объявление о подписке] // Лит. газета. 1933. 17 дек. № 58. С. 6.

²³ РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. № 67. Л. 1. Далее ссылки на переписку редакции «Лит. наследство» с Гуковским приводятся в тексте с указанием листа.

было бы (...) тем или иным способом ввести в научный оборот сведения о поэтах и поэзии, некогда игравших огромную роль в литературной жизни» (л. 1 об.—2).²⁴ Каким способом Гуковский намеревался ввести в научный оборот барковиану, становится понятно из следующего его письма, где он отмечает: «Я хотел бы в первую очередь дать Вам политические стихотворения (противоцарские и т. под. — напр. непристойные стихи об Анне Ивановне)» (л. 6). Именно это стихотворение было впоследствии опубликовано первым в совместной статье Гуковского и В. Н. Орлова «Подпольная поэзия 1770—1800-х годов».²⁵ Гуковский предлагал, таким образом, прежде всего — литературу «подпольную» (с одной стороны примыкавшую к фольклорному творчеству, с другой — связанную с развитием «высокой» литературы, причем, насколько можно судить по совместной с В. Н. Орловым публикации, здесь преимущественно предполагался «высокий», «фрондерский» материал), а также, в качестве возможной, — литературу низовую, крестьянскую.

Насколько осознавал Гуковский «политический» характер своих «подпольных» материалов, можно судить, сопоставляя стихотворения из совместной с В. Н. Орловым публикации с рабочей тетрадью, по которой им опубликована большая часть стихотворений в их статье. Тетрадь эта, хранящаяся в ЦГАЛИ СПб, стилизованно озаглавлена «Разные стиходействия, выписанные из рукописных сборников и отдельных рукописей восемнадцатого и начала девятнадцатого веков Григорием Гуковским»;²⁶ на «титальном листе» обозначены годы, когда делались выписки: «1930. 1931. 1932». Из 26 опубликованных в «Подпольной поэзии» по рукописям стихотворений 14 находятся в «Разных стиходействиях».²⁷ Здесь они занимают более половины объема; лишь очень немногие другие «подпольные» стихотворения отсюда не вошли в журнальную публикацию. Впрочем, не вошедший в публикацию для «Лит. наследства» материал составляет преимущественно любопытные образцы внутрилитературной стихотворной полемики. Это соседство немаловажно: все стихотворения, специально выписывавшиеся Гуковским в одну тетрадь, представляли для него, по-видимому, определенное идейное единство (в одном из писем он замечает, что подобные произведения собирает для книги «Вольнодумцы XVIII столетия»²⁸). Между тем ни разу в переписке с редакцией «Лит. наследства» Гуковский не упоминает о том, что у него имеется материал по литературной полемике XVIII века. По-

²⁴ Это место из переписки Гуковского с редакцией впервые опубликовано в: Сапов Н. [Панов С. И.] Рукописная и печатная история Баркова и барковианы // Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова / Изд. подг. А. Зорин и Н. Сапов. М., 1992. С. 365.

²⁵ Гуковский Г. А., Орлов В. Н. Подпольная поэзия 1770—1800-х годов // Лит. наследство. Т. 9—10. С. 11—12.

²⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 145. Оп. 1. № 144.

²⁷ Это следующие стихотворения (в скобках приводятся страницы по 9—10 тому «Лит. наследства» и листы по тетради «Разных стиходейств»): Эпитафия Г. Потемкину (с. 20 — л. 112); Ответ к сочинителю «Глаза невинности» (с. 25—28 — л. 83—89); Эпиграммы на Г. Потемкина (с. 28 — л. 112); «Как Зубов Николай с Москвы в Питер мчался...» и ответы (с. 29—30 — л. 76—77); Старинная пословица, кто о чем думает, тому то и грезится... (с. 36—39 — л. 42—49); Древность (с. 45—47 — л. 67—75); Эпиграмма на Павла I (с. 54 — л. 15; тут же другие эпиграммы: «Кто царством верно управляет...», «Низ мраморной, а верх кирпичной...» (л. 15), «Се памятник двух царств, обеим им приличной...», «Что было деду и отцу...» (л. 16; ср.: «Эта эпиграмма на Павла I — одна, из многих подобных» (с. 54)); Послание от Дольского к Кутайсову (с. 60—62 — л. 34—37); Эпиграмма на Лопухина (Не два и не один ограблен...) (с. 65 — л. 66); «Здравствуй князь, о князь светлейший...» (с. 68—71 — л. 105—111); Орлица, турухтан и теревер (с. 79—82 — л. 9—15); помимо этого, в «Разных стиходействиях» представлены два списка стихотворной «Челобитной», опубликованной Гуковским в статье 9—10 тома «Лит. наследства» «Солдатские стихи XVIII века» (с. 124—127 — л. 24—29, 50—55).

²⁸ РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. № 67. Л. 19.

лучается четкое разделение: «Лит. наследству» предлагаются вещи, «политически обусловленные», а вещи, вызывающие прежде всего историко-литературный интерес, остаются для собственного, более свободного идеологически, творчества; частично они войдут в «Очерки истории русской литературы XVIII века».

Вместе с обзором «За изучение восемнадцатого века», о котором будет сказано ниже, в 9—10 томе «Лит. наследства» «Подпольная поэзия» была одной из самых ранних публикаций, предназначенных Гуковским для нового издания. Поэтому следует остановиться на ней более подробно. Как видно из тетради «Разные стиходейства», ее тексты Гуковский начал собирать еще в 1930 году и, обдумывая свое участие в «Лит. наследстве», предложил их одними из первых. «Стиходейства» эти сразу привлекли внимание Зильберштейна, как и крестьянские стихи: «Предлагаю Вам немедленно выслать те материалы (...) которые представляют интерес для широкого читателя и которые вместе с тем политически заострены. Мне кажется, что противоцарские памфлеты конца XVIII и начала XIX века представляют несомненный интерес» (л. 3). Сроки, однако, назначались самые краткие: «Выберите все наиболее интересное из своих материалов и немедленно вышлите мне для ознакомления (...) Но не откладывайте этого, пожалуйста, в далекий ящик и сделайте в течение 1—2 дней» (л. 3). Опасаясь столь быстрого темпа, Гуковский, однако, соглашался выполнить работу, хотя и в соавторстве: «Я хотел бы в первую очередь дать Вам политические стихотворения (...) но и их я не могу прислать так быстро, т. к. не все у меня переписано в читабельном виде. Кроме того, я сговорился сегодня с Ю. Г. Оксманом, у которого также имеется такой материал, соединиться и прислать Вам общую сводную группу текстов, уже более полную. Я думаю, такая комбинация и для Вас и для меня будет наиболее удобной» (л. 6). Это означало более долгий срок подготовки, что, по-видимому, смутило редакцию, и уже в следующем письме Зильберштейн просил: «Подберите те материалы (...) которые, по Вашему мнению, наиболее остры. Лично думаю, что „Плач экономических крестьян“ подойдет нам в первую очередь» (л. 4). В результате, к обсуждению подборки «подпольной поэзии» редакция вернулась только в апреле 1932 года, когда впервые оформилась идея выделить в очередном номере журнала раздел, посвященный XVIII веку, — к тому времени в редакцию поступила публикация Елеонского «Хождение попа Саввы» и какая-то публикация А. Д. Седельникова, связанная с Иваном Грозным (поскольку Гуковский дважды дал на нее отрицательный отзыв, последняя не вошла в том). С этого момента Гуковский начинает работу над «Подпольной поэзией» совместно с В. Н. Орловым. Несмотря на оптимистичное вначале предположение «в месяц (...) закончить выполнение задуманного плана» (л. 26), окончательный вариант публикации был отправлен в Москву почти год спустя — в конце февраля 1933 года. Поскольку он был подготовлен двумя исследователями, стоит задаться вопросом — какая доля работы принадлежит каждому из них. Ответ на этот вопрос отчасти может дать все та же тетрадь «Разные стиходейства». Как уже было сказано, из нее в «Лит. наследство» попали тексты 14 стихотворений из 26; кроме того, Гуковскому можно почти наверняка атрибутировать и еще одну публикацию — непристойное стихотворение об Анне Иоанновне, которое он предлагал в первом своем письме. По шифрам оставшихся 11 публикаций можно удостовериться, что большая их часть взята из хранившихся в Публичной библиотеке рукописных сборников А. Т. Болотова «Магазин любопытных и достопамятных бумаг и пис», выписки из которых есть в «Разных стиходействах», две — из других болотовских бумаг

ГПБ—РНБ,²⁹ две — из сборника, также легшего в основу «Разных стиходейств»,³⁰ и одна — из державинских бумаг, которые отрабатывались в это время Гуковским для тома Г. Р. Державина в «Библиотеке поэта». Таким образом, с большой вероятностью можно предположить, что Гуковский знакомился со всеми текстами этой публикации по рукописям. Между тем обращает на себя внимание тот факт, что, по-видимому, каждый из 13 разделов «Подпольной поэзии» готовился как отдельная заметка. На определенном этапе, будучи сильно загружен работой, Гуковский собирался дать не большую публикацию, а две-три заметки: «Я предполагаю сделать для Вас 2—3 маленьких очерка (по пол-листа каждый) с неизд(анными) материалами общественного или сатирич(еского) характера, — вместо единой статьи о вольнодумцах. Иначе я не смогу успеть, да и вообще не смогу по ряду соображений (...) приготовить большую статью» (л. 48 об.). На основе сопоставления всех данных следует предположить, что Орловым подготовлены последние три раздела публикации, касающиеся уже первого десятилетия XIX века. В этом особенно убеждает и отсылка в одном из разделов к находившемуся в печати труду В. Н. Орлова, и то, что в другом помещены материалы о Д. В. Давыдове, сочинения которого Орлов готовил в это время для «Библиотеки поэта».

Итак, почти все первоначальные пожелания Гуковского относительно публикации своих материалов по XVIII веку в «Лит. наследстве» были выполнены. Отсутствие в томе предлагавшихся в первом письме двух вещей «в роде „Плача экономического крестьян“» (их помещение неоднократно поддерживалось редакцией) объясняется тем, что, как выяснилось, они уже были напечатаны в 1875 году в «Русском архиве».³¹ Однако необходимо отметить, что все же основное предложение, сделанное Гуковским редакции в сентябре 1931 года, отнюдь не касалось XVIII века. Мы привыкли считать, судя по крупным публикациям ученого, что всерьез литературой XIX века он начал заниматься только в 1940-х годах. Между тем уже в 1931 году Гуковский предлагал «Лит. наследству» в первую очередь как раз материал по XIX веку: «Мне уже давно хочется опубликовать некот(орые) произведения и письма Дениса Давыдова, хорошо бы также напечатать кое-что из вещей Жуковского, еще неизвестное. Я не говорю уже о необычайно богатстве материалов писем таких писателей, как Надеждин, Одоевский, Погодин, Полевой, Шевырев и мн. др., не говорю о множестве стихотворений более мелких поэтов Пушкинской эпохи, вроде А. Муравьева или же А. Е. Измайлова и др.» (л. 1—1 об.). Сложно сказать, лукавил ли Гуковский, делая акцент на литературном наследии XIX века: ведь поэты пушкинской эпохи должны были казаться — и казались — более «читабельными», чем авторы века. В любом случае, перечень имен, предложенный Гуковским, заставляет признать, что к 1931 году он уже успел достаточно далеко уйти в сборе архив-

²⁹ Сборник А. Т. Болотова «Разные пустяки» (РНБ. Ф. 8. Оп. 2. № 88/20): басня «Странники» (с. 76—78, л. 7 об.—8 об.) и стихотворение «Сновидение, бывшее мне в ночь на 4-е июня 1794 года» (с. 82—88, л. 2 об.—7 об.).

³⁰ РНБ. Ф. XVII. № 80: эпиграмма «В дни ясные орел всем птицам был глава...» (с. 20, л. 7 об.) и стихотворение «Секретарь» (с. 33—34, л. 67 об.—68 об.).

³¹ Гуковский — Зильберштейну: «Я принялся в высшей степени энергично за обработку и подбор материалов, — неизданных и пригодных для Вашего издания (...) Работы такая подборка требует уйму (ведь надо еще кроме прочего убедиться в том, что материал действительно не издан, чтобы не было так, как с „Лит(ературой) и Маркс(измом)“; опубликованный там плач — вовсе не новинка, оказывается. Я нашел такой же в Русском Архиве за 1875 год!)» (л. 26). Имеются в виду следующие публикации: *Седельников А. Д.* Плач-памфлет о крепостной доле (неизданная редакция) // Литература и марксизм. 1931. № 4. С. 126—136; Старинное остролюбие. Прошение в небесную канцелярию // Русский архив. 1875. Т. 3. С. 255—256.

ных и других источников по литературе первой трети XIX века. И, как знать, не потеряла ли бы наука о XVIII веке такого блестящего не только ученого, но и организатора, как Гуковский, не предложи он в первом письме Зильберштейну по XVIII веку материал «политически острый», а по XIX — просто обширный список имен, без обоснования его актуальности. А обоснование такое в 1931 году для «Лит. наследства», даже и в отношении писателей начала XIX века, было необходимо. Приведу, помимо этого примера с Гуковским (а на весь его длинный список по XIX веку Зильберштейн никак не отреагировал), еще один сюжет. В начале ноября 1931 года, когда первый номер журнала все еще не был окончательно собран, В. Б. Врасская писала в редакцию: «Пересылаю Вам три новых стихотворения Языкова с моим небольшим комментарием (...) Прошу Вас сообщить мне, когда Вы их будете печатать, а если они (...) не подходят, то, пожалуйста, верните мне мою рукопись».³² По-видимому, просто «новизна» языковских стихотворений не смогла заинтересовать «Лит. наследство», и в январе 1932 года Зильберштейн отвечал: «Присланные Вами материалы, к сожалению, в ближайших номерах (...) использовать не сможем. Считаем за лучшее возвратить их Вам, т. к. Вы сможете использовать их в другом месте».³³ В «Лит. наследстве» в 1931 году, повторюсь, печатались только вещи, «политически обусловленные». Год спустя Зильберштейн уже вновь обращался к Врасской, спрашивая, не опубликовала ли она стихи Языкова, и предлагая поместить их в книжке, посвященной «Пушкину и пушкинской плеяде».³⁴ Но ведь за этот год была разгромлена РАПП, было объявлено о создании Союза советских писателей, и классическая литература снова начинала становиться актуальной во всем ее многообразии.

Однако если для исследователей все же было очевидно, что литература пушкинской эпохи имеет «читательский интерес», в отношении литературы XVIII века такой уверенности не было. Так, в апреле 1932 года А. И. Белецкий, в ответ на просьбу Зильберштейна дать что-нибудь по декабристам (конкретно назывался Федор Глинка), попутно сообщал, что у него имеется список неизвестной трагедии Я. Б. Княжнина «Ольга», но сомневался, что такой материал найдет отклик у «Лит. наследства», не в последнюю очередь — и по идейным соображениям: «У меня (...) есть список (...) неизвестной трагедии Княжнина „Ольга“, (...) представляющей интересный образец обработки сюжета по русской истории в духе той же дворянской фронды, которой проникнут и незаслуженно попавший в разряд „революционных“ произведений „Вадим“. Но это старина — XVIII век».³⁵ Насколько незавидной в начале 1930-х годов была судьба литературы XVIII века, можно судить и по следующему письму Белецкого, где он рекомендовал «Лит. наследству» статью М. О. Габель о княжнинском «Вадиме» — статья эта ляжет впоследствии в основу сделанного Габель для «Лит. наследства» обзора княжнинского наследия. Гуковский, получив на отзыв ее материал, писал Зильберштейну: «Полтора часа назад получил рукопись Габель, и даже разволновался; печатать — во что бы то ни стало» (л. 90). Между тем в сколь-нибудь широкой литературоведческой среде подобный материал не вызывал никакого интереса. Белецкий писал, рекомендуя Габель: «Работа ее осталась ненапечатанной, так как у нас в УССР сейчас негде напечатать вообще статей по ист(ории) р(усской) л-ры — да еще XVIII в.!»³⁶ Позже та-

³² РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. № 46. Л. 1.

³³ Там же. Л. 2.

³⁴ Там же. Л. 3.

³⁵ Там же. № 16. Л. 2 об.

³⁶ Там же. Л. 6а об.

кую ситуацию подтвердила и сама Габель. В марте 1933 года, приняв статью о Княжнине, редакция попросила у нее составить обзор исследований по литературе XVIII века, вышедших за последнее время на Украине. Габель отвечала: «Выполнить Вашу просьбу (...) я не смогла, п.ч. такого рода изучений на Украине не велось (...) Все же, для очистки совести, я старательно произвела всякого рода библиографические разведки (вплоть до провинциальных изданий институтов образования), и буквально ничего, даже случайного, не нашла».³⁷ Здесь, однако, следует сделать оговорку: речь шла о русской литературе, а, как отмечала Габель, «научные интересы [в это время] были сосредоточены на украинской л(итерату)ре». Впрочем, возможность беспрепятственной публикации литературных произведений XVIII века ставилась под вопрос повсюду. Так, Ю. Г. Оксман писал в начале 1932 года Н. К. Пиксанову о слухах, касающихся судьбы серии «Библиотека поэта», среди первых томов которой XVIII веку, как известно, отводилось значительное место: «Боюсь, что и серия поэтов не пойдет дальше 3—4 томов, да и то, чтобы Горького не конфузить»; «С первыми выпусками неприятности к тому же: А. С. Орлов не справился с Ломоносовым и Тредиаковским (схалтурил безвкусно и дешево), а Гуковский что-то такое в Державине усмотрел интересное с точки зрения своего соредактора — И. Виноградова (московского) — и т. п. В Издат(ельстве) писателей сейчас диктатура Чумандрина, курс взят на партиздат в смысле идеологической выдержанности».³⁸

Поэтому вовсе не выглядит странной такая характеристика Гуковским своих разысканий в первом письме в редакцию: «Я прекрасно понимаю, что большинство моего материала не имеет актуального „читательского“ интереса (...) Если Пушкинская эпоха, изучению которой я отдаю большую часть моего времени за последние два года, еще сколько нб. интересует широкого читателя, то времена более отдаленные для него вовсе не существуют» (л. 1). И вот почему с такой живостью он согласился написать для «Лит. наследства» предложенный Зильберштейном в его первом ответном письме обзор об исследовательской литературе по XVIII веку. Обращаясь с этой просьбой к Гуковскому, Зильберштейн опирался на его обширную рецензию «Шкловский как историк литературы»:³⁹ «Не сделаете ли для второго номера нашего журнала острый развернутый обзор всех тех изданий по истории литературы 18 и начала 19-го века, которые вышли за последние 2—3 года. Припоминаю Вашу прекрасную статью о Шкловском в „Звезде“ (...) Обязательно копните продукцию Академии Наук за последние 2 года, — там для Вашей темы должны быть интересные вещи. Но помните, что обзоры наши делаемые очень острыми. Кроме того, в них должен быть обширный раздел, в котором подробно сообщите о том, над чем в настоящее время должны работать исследователи конца 18 и начала 19 века» (л. 3—3 об.). Таким образом, будущему обзору сразу задавался не академически объективный, а боевой, «остро актуальный» тон: нужно было раскритиковать, с одной стороны, уклоняющихся от верной линии теоретиков-формалистов (Шкловский), с другой — идейно (и социально) чуждых «фактособирателей» из академической среды, и наконец, поскольку «Лит. наследство» как орган РАПП должно было руководить деятельностью литературоведов, — обозначить дальнейшие пути исследований.

³⁷ Там же. № 48. Л. 10.

³⁸ Там же. Ф. 2567. Оп. 1. № 224. Л. 94, 97; ориг. — ИРЛИ.

³⁹ Гуковский Г. А. Шкловский как историк литературы // Звезда. 1930. № 1. С. 191—

Следует сказать, что Гуковский сразу же предпочел написание обзора подготовке публикации своих материалов: «Что (...) касается обзора, то у меня руки чешутся. Вы пишете, что он должен быть острым; за это ругаются; хочется и позлиться печатно и высказать некоторые общие соображения» (л. 6 об.). И далее он определял основные направления обзора, которые в общем-то и сохранились в статье «За изучение восемнадцатого века», вошедшей в 9—10 том: «Думаю, что можно было бы поговорить и об академических (*écgrazez l'infame*) статьях, и об изданиях *Academia*'ческих (материалы, хрестоматии и т. д.), и о педагогических изданиях, и о справочных изданиях и компендиумах» (л. 6 об.). Между тем при всем полемическом задоре Гуковский понимал, что от него требовали не привычный едкий критический разбор с указанием на многочисленные фактические ошибки, как это было в «Шкловском как историке литературы»: в редакции ожидали принципиальной идеологической критики, и осознание этого Гуковского явно смущало. Во всяком случае, в постскриптуме к письму он добавляет: «Может быть, от обзора требуется какая-нибудь особая выдержанность, сто-процентность, вообще явная тенденция, — боюсь, что по этой линии моя работа может оказаться неприемлемой для Вашей редакции, хотя конечно я не собираюсь заниматься проповедью формалистич(еских) доктрин (...) Я предпочел бы критику по существу проблем и фактов, заключенных в рецензируемых работах, и обсуждение современной научной проблематики без резкой постановки методологич(еских) вопросов, о которые я боюсь разбиться» (л. 7 об.). Для редакции же, однако, была важна именно эта политическая заостренность — в одном из ответных писем Зильберштейн подчеркивал: «Для нас понятно, что вы не будете заниматься проповедью формалистических доктрин. Но с другой стороны, кроме критики проблем и фактов по существу, хотелось бы увидеть хотя бы в двух-трех абзацах Вашего обзора несколько принципиальных методологических установок» (л. 8). Как было уже показано выше, некоторые принципиальные методологические положения из тех, какими руководствовались создатели «Лит. наследства», в печатном обзоре Гуковского найти можно. Однако все же мы почти не найдем там критики ученых с идеологической точки зрения. Важно в связи с этим проследить, как складывался в этом обзоре комплекс материалов, посвященных формалистам, и прежде всего — Шкловскому.

Итак, сама идея поручить обзор Гуковскому родилась в редакции, поскольку там были знакомы с его критической статьей о книге Шкловского «Матвей Комаров». Очевидно, Зильберштейн ожидал, что в обзоре Гуковский повторит те свои положения и изложит их подробнее для более широкого круга исследователей. Однако Гуковский, уже в предварительном списке изданий, которые будут рассмотрены в обзоре, упоминая «Записки» А. Т. Болотова, вышедшие в издательстве «Academia», замечал: «Попутно о Шкловском Болотове — не ругательно» (л. 7). Книга Шкловского о Комарове при этом в списке не называлась, как не называлось и вообще никаких формалистских работ. Зильберштейн, по-видимому, почувствовав, что в обзоре может вовсе не оказаться критики формалистов, которая должна была там быть, и, в общем, соглашаясь с планом Гуковского, отмечал: «обязательно Шкловского» (л. 8). После получения обзора и обсуждения его в редакции Зильберштейн сообщал свои пожелания автору. Среди них одним из важнейших было следующее: «Укажите, почему марксист(ская) критика до сих пор совершенно вне этого участка — ей было не до этого ввиду наличия ряда актуальных проблем, требовавших срочного разрешения, и поэтому 18 век оказался в руках формалистов. Очень жаль, что вы о Шклов-

ском отделались по существу отсылкой на свою статью. (...) Не бойтесь пересказов своих старых наблюдений — если они сохранились до сих пор — приведите их в более заостренной форме» (л. 23—23 об.). Если посмотреть на печатный текст обзора, то станет очевидно, что, с одной стороны, Гуковский это требование редакции выполнил, но с другой — выполнил чисто формально, по сути дав краткую аннотацию своей прежней статьи,⁴⁰ вследствие чего вся полемическая острота ее сошла на нет: осталось обвинение в халтурности, но были удалены какие-либо указания на методологические основы работ Шкловского. Несомненно, Гуковский всячески старался избежать подобного поворота в своем обзоре, хорошо памятуя о нескрываемом политическом характере «Лит. наследства». Одно дело было критиковать Шкловского в ленинградском литературном журнале, находясь с критикуемым на равной ступени; и совсем другое — заострять методологическую критику в журнале с откровенно политическим окрасом, в журнале, который должен был определять лицо литературоведческой науки и из критики в котором, следовательно, могли быть сделаны иные выводы. К включению в обзор материалов о Шкловском редакция в переписке с Гуковским возвращалась еще неоднократно, вплоть до стадии гранок: «Гранки (...) получил. Меня удивляет, что вы не вставили ни одного слова о книжке Шкловского „Чулков и Левшин“. Может быть, вы все-таки напишете одну-две странички и вышлете мне» (л. 126). Однако никаких новых добавлений Гуковским сделано не было, как не появилось в обзоре и критических отзывов об эмигрантских исследованиях по литературе XVIII века, которые с некоторого времени редакция также от него настойчиво требовала.⁴¹

Таким образом, наиболее ранними по написанию в томе «Лит. наследства» о XVIII веке были два материала Гуковского — «Подпольная поэзия» и обзор «За изучение восемнадцатого века» (отправляя первую редакцию обзора, Гуковский предлагал два заголовка: «Узкое место русского литературоведения» и «В защиту восемнадцатого века» (л. 10)). Как видно из переписки, на начальном этапе предполагалось, что публикация пойдет в 1-й номер журнала, а обзор — во второй.⁴² Однако со временем оба материала переносились во все более поздние тома, и по истории этих переносов можно проследить, как постепенно формировалась идея создания отдельного тома, целиком посвященного XVIII веку. История этих переносов такова. Как было уже сказано, замысел этих двух публикаций появляется в сентябре 1931 года; в декабре было предложено перенести обзор в 3-ю книжку.⁴³ В январе 1932 года стало понятно, что четвертой книгой окажется юбилейный гетевский том; одновременно было решено 5-й книгой сделать том, «где

⁴⁰ Гуковский Г. А. За изучение восемнадцатого века... С. 316.

⁴¹ Зильберштейн — Гуковскому: «Постарайтесь найти в Ленинграде последние работы эмигрантов по 18 веку. Так, вышла недавно книжка Ходасевича о Державине, на которую в „Современных записках“ Алданов написал рецензию. Все это любопытный материал для предисловия к нашему сборнику (ср. наше предисловие к Гете)» (л. 87).

⁴² Зильберштейн — Гуковскому: «Выберите все наиболее интересное из своих материалов и немедленно вышлите мне для ознакомления (...) Но не откладывайте этого, пожалуйста, в далекий ящик и сделайте в течение 1—2 дней. Имею для Вас следующее предложение: не сделаете ли для второго номера нашего журнала острый развернутый обзор всех тех изданий по истории литературы 18 и начала 19-го века, которые вышли за последние 2—3 года» (л. 3).

⁴³ Зильберштейн — Гуковскому: «Я не писал Вам потому, что мы страшно заняты первой и второй книжкой. Ваш обзор идет в третью книжку. Поэтому руки просто до него не дошли. В ближайшие дни мы надеемся освободиться наконец, и тогда Ситковский даст свое заключение о нем. Я просматривал Ваш обзор, он очень интересен, и несомненно будет нами напечатан. Думаю, что придется только немного его сократить в той части, где Вы говорите о Луначарском. Вы слишком много места ему уделяете» (л. 14).

будут опубликованы декабристские материалы» (л. 17). К апрелю 1932 года сложилась идея поместить раздел о XVIII веке именно в рамки этого декабристского номера — помимо Гуковского, как уже было сказано, в нем предполагалось участие Елеонского и Седельникова. К сентябрю этого года в редакцию, по-видимому, поступило еще несколько материалов, не связанных с декабристами, но относящихся к той эпохе, и содержание тома несколько изменилось, по поводу чего Зильберштейн писал: «Мы заняты подготовкой к печати номера, целиком посвященного 18 веку, Пушкину и декабристам» (л. 34). В конце сентября—начале октября 1932 года редакция рассылает письма авторам, которые могли бы дать публикации в этот том. Выше уже упоминалось о намерении поместить в нем стихотворения Языкова, ранее отвергнутые редакцией. Тогда же, помимо Врасской, редакция обратилась к М. К. Азадовскому с просьбой составить обзор языковских материалов;⁴⁴ к Л. Я. Гинзбург — дать материалы по Вяземскому,⁴⁵ а к Белецкому — представить текст княжнинской «Ольги». В этих письмах декабристская составляющая тома не упоминается вовсе; он становится посвященным «Пушкину и пушкинской эпохе». Переговоры велись в то время, когда вот-вот должен был выйти из печати гетевский том «Лит. наследства». Литературоведческое сообщество предполагало, наверное, что гетевским томом выпуски «Лит. наследства», ориентированные на пропаганду марксистско-ленинской эстетики и публикацию предшественников пролетарской литературы, прекратятся. Поэтому, когда в январе 1933 года гетевский том вышел в свет и в нем было помещено объявление о следующем томе — вовсе не пушкинском, а все с теми же трудами Энгельса о литературе, это породило сомнения в том, что пушкинский том увидит свет. Об этом писал в редакцию Азадовский: «Мне (...) обещано было держать в курсе дел по подготовке номера, тем более, что у нас распространился слух о переносе Пушкинского номера на дальний срок, что, признаться, меня несколько дезориентировало».⁴⁶ Сообщение Азадовского было, по-видимому, не единичным, и Зильберштейн отвечал ему в начале февраля 1933 года: «В Ленинграде кто-то, по-видимому, специально занимается фабрикацией слухов, направленных к тому, чтобы всячески тормозить нашу работу. О том, что, якобы, пушкинский номер передвигается на какой-то неопределенно долгий срок, Вы пишете нам не первый; этой легендой, кажется, введены в заблуждение уже многие. Во всяком случае, пока не совсем поздно, считаю нужным категорически опровергнуть эти нелепости. У нас сейчас имеется достаточно уже материала, чтобы приступить к сдаче номера в набор. Мы и приступим се[годня или] завтра и ориентируемся на то, чтобы в течение февраля сдать все».⁴⁷ Слухи, впрочем, не ограничивались, по-видимому, только тем, что «пушкинский» том переносится. В письме от 3 февраля 1933 года И. В. Сергиевский, отвечавший в редакции за составление этого тома, писал Гуковскому: «В Ленинграде нашлись люди, которые считают, кажется, раздел по XVIII веку в пушкинском сборнике вообще лишним: дескать, свежий и ценный материал по Пушкину тонет в массе архивных мелочей» (л. 78). Основной причиной беспокойства оказалось, скорее всего, то, что к февралю портфель тома слишком разросся и чем-то пришлось бы пожертвовать. Выход был найден: вместо одного «пушкинского» тома решили сделать три (так объяснял Зильберштейн сложившуюся ситуацию Азадовскому в мае: «Материала у нас на-

⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. № 1. Л. 4.

⁴⁵ Там же. № 54. Л. 1.

⁴⁶ Там же. № 1. Л. 11 об.—12.

⁴⁷ Там же. Л. 13.

бралось по этой эпохе слишком много, и посвященный ей том мы вынуждены сейчас разбить на три. Первый отводится 18 веку (...) второй Пушкину, третий 20—40 годам вообще»⁴⁸).

Между тем превращение пусть большого, но все же раздела о XVIII веке в отдельную (сдвоенную) книгу в феврале—марте 1933 года сопровождалось не только количественными, но и качественными изменениями, поэтому следует охарактеризовать специфику предполагавшегося раздела о XVIII веке в «пушкинском» томе.

Кроме упомянутых уже обзора Гуковского и публикаций его и Елеонского, материалы эти преимущественно представляли собой «низовую» литературу и поступили в редакцию помимо Гуковского (а он оказался негласным соредактором раздела еще в апреле 1932 года;⁴⁹ с тех пор почти всё в будущий том принималось только с его одобрения). В. Ф. Ржигой были предложены «крестьянские повести», «Азбука о голом» и «солдатская поэма»,⁵⁰ Шкловским — пьеса М. Д. Чулкова, публикацию которой подготовил впоследствии для тома Харджиев; сам Гуковский предложил в дополнение к своей «подпольной поэзии» «солдатские стихи».⁵¹ Помимо этого, в раздел о XVIII веке были привлечены материалы по наиболее видным с точки зрения старой историографии представителям дворянского радикализма: по предложению Гуковского редакция связалась с готовившими радищевское собрание сочинений И. С. Троицким и Я. Л. Барсковым⁵² (последний в это время готовил также и новиковские материалы для Academia). Барскову был заказан обзор наследия Радищева и Новикова,⁵³ Троицкого просили дать публикацию писем Радищева. В этом же ряду, по-видимому, следует рассматривать и намерение опубликовать княжнинскую «Ольгу» (переписка с Белецким и Габель). Собственно дворянская, «феодалная» литература должна была быть представлена на этот момент в разделе только перепиской Екатерины II с Потемкиным, предложенной Барсковым⁵⁴ (при этом редакция категорически отказалась от рекомендовавшихся им также писем А. М. Кутузова к И. П. Тургеневу⁵⁵), и — принятыми по инициативе Гуков-

⁴⁸ Там же. Л. 16.

⁴⁹ Редакция — Гуковскому: «Ввиду того, что мы намерены опубликовать Елеонского, и Седельников обещал нам передать кое-что интересное — [мы намерены. — А. К.] передать вам редактуру всей этой подборки, с тем, чтобы она была объединена одним небольшим вводным предисловием, заметку к которому должны будете сделать Вы. В этом предисловии Вы должны будете привести наиболее яркие примеры той бессмысленности, которая царит в изучении этого участка, и указание на то, что нужно делать. Примером такого предисловия может служить печатающееся у нас в 3 книге введение (за подписью редакции) к пропущенным цензурой местам из статей Чернышевского. Хотя тема ничего общего с вашей не имеет, но тем не менее общую установку Вы отсюда сумеете почерпнуть» (л. 24).

⁵⁰ Гуковский — Сергиевскому: «Только что (...) прочитал план Вашего пушкинского № и решил спешно вновь писать к Вам. У вас помечено: „Солдатская поэма начала XIX века”. Публ. Ржиги. Что это за вещь? Не есть ли это поэма, где есть стихи „Мы отечества защита, / А спина у нас избита”? Эта вещь есть в хороших двух списках и у нас с Орловым, но важнее то, что она *была уже напечатана*. Публиковать ее вновь отдельно не имеет смысла» (л. 65).

⁵¹ Гуковский — Сергиевскому: «Независимо от сводки-подборки материала я дам Вам солдатские плачи в стихах и др. сюда относящийся материал. Я подобрал к нему за последние месяц-два яркий комментарий, но не закончил его. Ничего не поделаешь, придется спешно окончить и это дело» (л. 26).

⁵² Гуковский — Зильберштейну: «По-моему, Вам хорошо бы все-таки напечатать неизд(анные) письма Радищева. В затеваемом Полн(ом) собр(ании) соч(инений) Радищева («Каторга и ссылка»), в коем и я участник, эти письма будут готовить Я. Л. Барсков и И. М. Троицкий. Вот бы и обратиться к ним» (л. 21).

⁵³ РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. № 12. Л. 2.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Барсков характеризовал их так: «Письма Кутузова (всего 6) займут мало места и они уже были отчасти использованы Тарасовым, но весьма безтолково. Сами по себе они крупного

ского — болотовскими материалами из Пушкинского Дома, которые готовил А. Я. Кучеров. Гуковский так обосновывал необходимость появления этих материалов в «Лит. наследстве»: «Вы помните, что я еще в моем обзоре (...) говорил о том, что напрасно переиздают неоднократно выборки из Записок Болотова, вместо того чтобы напечатать неизданное его наследие. М. б. было бы целесообразно поместить в Лит. наследстве кое-что болотовское. Назову, напр., его критич. заметки о русских романах (...) Над этими заметками работал именно А. Я. Кучеров. Он же просматривал и другие материалы Болотова, кот. можно было бы включить в выборках в комментариях (напр. отзыв Болотова-сына о декабристах и о Пушкине)» (л. 47). Чем интересен был болотовский архив, объясняет его характеристика в редакционном предисловии к вышедшему тому: «Болотов — один из омерзительнейших персонажей русской феодально-крепостнической культуры (...) все остальные его писания [помимо «Записок»] до основания разрушают легенду о его пресловутой исторической объективности».⁵⁶ С таким же пониманием роли дворянских писателей в литературе XVIII века была связана и заметка Елеонского о комедии М. И. Веревкина про пугачевское восстание. Таким образом, литература дворянских «верхов» привлекала внимание редакции «Лит. наследства» лишь постольку, поскольку она могла служить критической оценке дворянской культуры; предпочтение же очевидно отдавалось литературе низовой или же радикальной. Такая установка вполне отражает изначальное представление редакции о материалах по XVIII веку в «Лит. наследстве». В ответ на первое предложение Гуковского Зильберштейн спрашивал: «Нет ли у Вас интересных материалов о Пшине, Новикове, Радищеве, очень нас интересует Чаадаев, который, кажется, не лежит в плане Ваших научных интересов?» (л. 3). Позже, в своем разборе обзора Гуковского, он так подытожил свои суждения о литературе XVIII века: «Вы ни слова не говорите о экономи(ческих) признаках, а ведь интерес 18 века именно в том, что буржуазная литература вытесняла и боролась с дворянской» (л. 23). Сергиевский еще в начале февраля 1933 года четко обозначал свою позицию: «Что касается до обилия в нашем разделе подпольного и низового, анонимного, то такова вообще-то установка, и я не думаю, чтобы такая установка была неправильна» (л. 78).

Если сравнить с этой установкой те материалы, которые появились в портфеле редакции после решения о преобразовании раздела о XVIII веке в отдельный том, то разница бросается в глаза: эти материалы оказываются

значения не имеют. Для меня они послужат, как бы сказать, лишь предлогом к любопытному этюду о Кутузове, друге и Радищева, и Карамзина, очень интересному представителе русской интеллигенции XVIII в. и весьма видном розенкрейцере. От Кутузова я предполагаю перейти к И. П. Тургеневу. Его архив плохо использован, а Н. К. Пиксанов (тогда заведующий Рукописным отделом Пушкинского Дома, где хранится архив Тургеневых. — А. К.), кажется, ничего не имеет против того, чтобы я поработал в нем» (РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. № 12. Л. 2, 7—7 об.). За публикацию писем Кутузова высказывался и Гуковский, предлагая заменить ими публикацию Елеонского о комедии Веревкина: «Если у Вас не хватает материала по XVIII веку, (...) возьмите статью у Барскова: или письма А. М. Кутузова (друг Радищева! друг Карамзина!), или, если есть листов 5 места, письма Екатерины II к Потемкину — материал, хоть и не очень литературный, но первоклассный, и подать его можно хорошо. А таких статей, как статья Елеонского, мои ученики Вам напишут в месяц десять-двадцать штук» (л. 74), на что Сергиевский отвечал: «Поскольку материалы о Кутузове Вы не считаете значительными, постольку вопрос о них оставим сейчас открытым» (Там же. Л. 2, 3). Впоследствии письма были опубликованы и прокомментированы В. В. Фурсенко, а Ю. М. Лотман позднее сопроводил эту публикацию статьей (Материалы для изучения А. Н. Радищева и его окружения // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1968. Вып. 8. С. 281—334).

⁵⁶ От редакции // Лит. наследство. Т. 9—10. С. 2.

посвящены деятелям дворянской культуры, и по большей части тем, собственно, писателям, которые составляли основу литературы XVIII века в представлении старой историографии: из появившихся в печатном томе — Фонвизин, Львов, Херасков, Ломоносов, Державин; из неизвестных имен — Михаил Собакин. Разница эта станет еще более очевидной, если сюда прибавить имена тех писателей, публикации о которых по рекомендации Гуковского отсылались в редакцию или намечались к печати: готовившаяся Ильинским переписка М. Н. Муравьева с Д. И. Хвостовым,⁵⁷ заметки П. Н. Беркова о графе А. П. Шувалове и А. Богданове,⁵⁸ статья Л. Я. Гинзбург о А. С. Шишкове,⁵⁹ несостоявшийся обзор капнистовских материалов.⁶⁰ В результате, за исключением разве что Кантемира, Тредиаковского, Сумароко-

⁵⁷ Гуковский — Сергиевскому 6 апреля 1933 года: «Ильинский! — Конечно, двух, а тем паче трех статей мы у него не возьмем уже. Но ждать ли первую статью (переписка Муравьева с Хвостовым), кот(орая) поспеет, по-моему, не ранее 10-го или 12-го числа? Или же разом отказать, что было бы крайне неудобно. Я думаю дать ему предельный срок и размер — 1 лист, и если он уложится в тот и другой, — принять, а если нет — не принять» (л. 103); ср. ранее, 31 марта: «У Ильинского берем материал переписки М. Н. Муравьева. Но будет готово числа 5-го. (...) Ильинского м. б. еще материал» (л. 99).

⁵⁸ РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. № 54; см. также из переписки Гуковского с редакцией: «Уважаемый Григорий Александрович (...) Вы пишете, что обе статьи Беркова у Вас на руках. Какие именно это статьи? В плане, который привез из Ленинграда Илья Самойлович, их фигурирует четыре: о Шувалове, о Хераскове, о Собакине и об Алексее Богданове. Напишите, пожалуйста, об этом» (л. 98); позже по поводу одной из этих статей Сергиевский писал: «Думаю, что (...) Шувалова берковского давать не следует, [о] последнем только не говорите Беркову, а главное, что из-за таких заметок, как (...) о Строганове у нас получится слишком хламная книжка» (л. 101); на что Гуковский отвечал: «Книжка по XVIII веку (...) в ней мы даем очень много первостепенного неизвестного материала, собранного вместе. Она явится событием, какого в изучении данной эпохи не было уже несколько десятилетий. Именно так ее оценивают все, кто знает ее состав. Основной характер этой книги — научность, серьезность, глубина захвата, м. б. даже в ущерб броскости и эффективности. Я думаю, что это не плохо. В частности, о Беркове. Я не считаю его статейку о Шувалове замечательной вещью; но сам текст Шувалова — весьма интересен для историка литературы; это — находка, утаить которую было бы совершенно неправильно. Я полагаю, что эту статью надо обязательно напечатать, — хотя бы в сообщениях (...) Вы тут же пугаете в письме Шувалова со Строгановым» (л. 104—104 об.).

⁵⁹ Впервые Гуковский сообщил о планах Л. Я. Гинзбург в редакцию 23 марта 1933 года: «Л. Я. Гинзбург предложила мне материал, в высшей степени интересный: неизданные заметки и записки Шишкова; тут и анекдоты о Екатерине II, и размышления о литературе, и письма его к писателям и сановникам (он вписывал их в свине заметки). Всего материала листа на полтора» (л. 95—95 об.), и впоследствии восторженно отзывался об этой работе: «Посылаю: 1) Публикацию Гинзбург. Материал очень хороший, а статья поистине блестящая. Талантливый она человек, черт возьми!» (л. 102). В редакции сначала положительно отнеслись к идее публикации Гинзбург, не вполне, возможно, поняв, о чем она будет: «Что вы заказали Гинзбург подборку по неизданному Чижкову (sic! — А. К. Скорее всего, ошибка не Сергиевского, а машинистки) — очень хорошо» (л. 98), однако после прочтения решили от нее отказаться: «Прочел подготовленные Гинзбург шишковские материалы и должен сказать, что не вполне разделяю ту высокую оценку, которую дали им вы. Согласен, что они дали повод Лидии Самойловне (кажется, так ее зовут?) для написания небезынтересного этюда о Шишкове. Но небезынтересность этого этюда почти целиком результат ее личной талантливости, а не значительности тех материалов, которым этот этюд предпослан. Помещать эти материалы в сборнике, посвященном XVIII веку, по-моему, во всяком случае нецелесообразно (...) Все ж таки публикуемые Гинзбург его писания остаются фактом литературы 20-х годов, хотя фактом и явно архаическим. (...) Чего-либо нового для характеристики литературной и политической физиономии Шишкова эти материалы (...) не дают. Затем, вообще в числе их много мелочей, которые почти никакого интереса не представляют. Таковы хотя бы его письма к Дашковой, к Хераскову. Интереснее его размышления, но и они не настолько все же любопытны, чтобы считать очевидной необходимой (sic! — А. К.) их публикацию» (л. 110).

⁶⁰ Характеризуя свою работу по тому, Гуковский писал: «Вы сами увидели, конечно, что я исполнил Ваше желание и вкатил весь обильный неизданный материал Державина в свой обзор; это дало мне возможность уклониться от работы по Львову, которым я никогда путно не занимался. Капниста материал оказался неинтересным, и я решил отказаться от него» (л. 103 об.).

ва и Карамзина, в томе должен был предстать весь русский литературный Олимп XVIII века.

Причину такого резкого изменения во взглядах редакции на русскую литературу XVIII века стоит, конечно, искать прежде всего в идеологических течениях того времени. В первых числах марта 1933 года в Москве завершился II Пленум Оргкомитета Съезда ССП, посвященный проблемам драматургии. В докладах, прозвучавших на Пленуме, подчеркивалось значение былых эпох в развитии реалистического искусства, особо была выделена роль Шекспира. Сразу по завершении Пленума в «Литературной газете» появились статьи, оправдывающие обращение, с одной стороны, к Шекспиру («Больше шекспиризировать» С. Динамова⁶¹), а с другой — вообще к литературе прошлого, прежде всего XVIII века («О наследстве, о новаторстве» И. Акимова). В последней осуждается узость обычных представлений о наследии, не идущих глубже XIX века, которым противопоставляется подлинное понимание наследия Марксом и Горьким, причем упоминаются имена писателей от античности до XIX века и особый упор делается на авторах XVIII века: Дидро, Руссо, Вольтер, Гете, Шиллер, Лессинг, Локк, Ричардсон.⁶² Очевидно, что в подобной обстановке отношение к выдающимся писателям XVIII века могло быть пересмотрено.

Однако, на мой взгляд, важнейшую и при этом провоцирующую роль в изменении плана тома сыграла опубликованная в начале 1933 года в «Литературной учебе» статья В. А. Десницкого «О задачах изучения русской литературы XVIII века».⁶³ В выходных данных номера отмечено, что в набор он был сдан 19 октября 1932 года, а подписан в печать 11 января 1933-го; следующий, 9—10 номер журнала на 1932 год был сдан в набор 25 февраля 1933 года, а подписан к печати 9 мая. Таким образом, наиболее вероятная дата выхода в свет интересующего нас номера — конец февраля—начало марта 1933 года, т. е. как раз то время, когда раздел по XVIII веку в «пушкинском номере» «Лит. наследства» превратился в планах редакции в отдельный выпуск.⁶⁴ Тогда же в Ленинграде состоялась встреча Зильберштейна и Гуковского; по-видимому, свежая статья Десницкого обсуждалась ими, и было решено представить в «Лит. наследстве» литературу XVIII века иначе, чем ее предлагал изучать Десницкий. Положения этой статьи неоднократно уже пересказывались, я не буду подробно на них останавливаться, отмечу лишь основной тезис. В соответствии с точкой зрения Десницкого, в русской литературе XVIII века наибольший интерес для литературоведа-марксиста должна представлять литература третьего сословия (к которой он относится, среди прочего, творчество А. Н. Радищева, останавливаясь преимущественно на ирои-комической поэме): «Нужно отказаться от традиционной установки на изучение в литературе XVIII в. только „основного” ее потока — „дворянского классицизма”, нужно отказаться от „нелитератур-

⁶¹ Лит. газета. 1933. 11 марта. № 12 (240). С. 2.

⁶² Акимов И. О наследстве, о новаторстве // Там же. С. 6.

⁶³ Десницкий В. А. О задачах изучения русской литературы XVIII века // Литературная учеба. 1932. № 7/8. С. 37—67; расширенный вариант статьи напечатан: Десницкий В. А. О задачах изучения русской литературы XVIII века // Ирои-комическая поэма. Л., 1933. С. 9—73 (Библиотека поэта).

⁶⁴ Еще 10 февраля Сергиевский писал Гуковскому, имея в виду «пушкинский номер»: «Мы предполагаем, между прочим, дать в этом сборнике несколько многоцветков. Подумайте, что из этой области можно было бы дать по XVIII веку» (л. 81); после этого больше чем на месяц, в до того активной переписке наступает перерыв, и в следующем письме, от 17 марта, речь идет уже о томе по XVIII веку: «Илья Самойлович во время своего пребывания в Ленинграде договорился как будто бы с Вами о некоторых новых работах, которые Вы сделаете для нашего сборника по XVIII веку» (л. 86).

ности”, второстепенности „мещанской”, „лубочной”, „простонародной” литературы (...). Линию становления третьесловной литературы [нужно] взять как одну из ведущих линий литературного процесса XVIII в.»⁶⁵ Между прочим, подобная позиция оказалась близка недавним формалистам, отстаивавшим взгляды Шкловского в начале 1930-х годов. Во всяком случае, рецензия В. Тренина и Н. Харджиева на том «Ирои-комической поэмы» критически затрагивает только комментарии Б. В. Томашевского, не учитывающего, по их мнению, находок Шкловского в исследованиях о Чулкове, однако рецензенты полностью поддерживают идеи вводной статьи: «Обстоятельная вступительная статья к сборнику (...) написанная В. А. Десницким, дает историко-материалистическую точку зрения на основы литературной борьбы XVIII века. В противовес либеральной концепции о преимущественно дворянском характере русской поэзии XVIII века Десницкий указывает на большое значение „преимущественно буржуазных” жанров (...) создававшихся людьми „малого чина”, выходцами из непривилегированных сословий, из мелкой буржуазии».⁶⁶ Сходные в этом отношении в начале 1930-х годов взгляды на русскую литературу XVIII века Десницкого и Шкловского позволили впоследствии Г. Гайсиновичу объединить в одной рецензии разбор «Ирои-комической поэмы» и «Чулкова и Левшина» Шкловского.⁶⁷

Полемически настроенному после прочтения статьи Десницкого Гуковскому, по-видимому, удалось убедить Зильберштейна в том, что значимость литературы XVIII века все же — в творчестве ее выдающихся дворянских писателей и что при всем открывавшемся многообразии низовой литературы она не может рассматриваться в отрыве от литературы верховой, заключающей в себе наиболее эстетически совершенные образцы. Во всяком случае, анализ текстов трех из четырех принципиальных статей о путях изучения литературы XVIII века, помещенных в томе, — редакционной, Гуковского и Сергиевского,⁶⁸ показывает, что авторы их стоят на сходных в целом позициях и, более того, редакционное предисловие и статья Сергиевского оказываются зависимыми от взглядов Гуковского. На зависимость текста Сергиевского от представлений Гуковского указывал И. З. Серман,⁶⁹ и я не буду специально останавливаться на этом вопросе; важнее отметить, что при подготовке редакционного вступления Зильберштейн несомненно учитывал мнение Гуковского. Об этом свидетельствует просьба его в одном из летних писем 1933 года: «Когда вы собираетесь в отпуск? Прошу Вас иметь в виду, что вам еще придется поработать по книге по XVIII веку над предисловием ко всей книге» (л. 126). Сохранился и отзыв Гуковского на предисловие; он начинается словами: «Шлю обратно предисловие. В общем, я могу одобрить его, хотя оно написано каким-то несколько развязным тоном» (л. 143). То, что замечания Гуковского Зильберштейном учитывались, можно показать на следующем примере. Гуковский пишет: «Никак нельзя приравнивать революционера Радицева к фрондирующему помещику Новикову. С другой стороны грех старой науки вовсе не в том, что она игнорировала вольнодумцев из низов (смешно было бы сказать, что она изучала Ра-

⁶⁵ Десницкий В. А. О задачах изучения русской литературы XVIII века. С. 66.

⁶⁶ Тренин В., Харджиев Н. Герои-комическая поэма // Лит. газета. 1933. 17 дек. № 58 (313). С. 5.

⁶⁷ Гайсинович Г. История у историков литературы // Лит. наследство. 1935. Т. 19—21. С. 650—658.

⁶⁸ От редакции // Лит. наследство. Т. 9—10. С. 1—4; Гуковский Г. А. За изучение восемнадцатого века // Там же. С. 295—326; Сергиевский И. В. По поводу статьи Д. Мирского // Там же. С. 510—512.

⁶⁹ Серман И. З. Забытый спор... С. 301—302.

дищева потому, что он был дворянин по паспорту), а в том, что она замолчала движение, говоря о случайных личностях, единицах» (л. 143—144). В результате, в печатном предисловии читаем: «[Буржуазные] исследователи (...) проявляли порою даже некоторый пиетет к литературному наследию Радищева и Новикова, поскольку освободительные идеи первого и, при всей ее умеренности, фрондирующая сатира второго (...) были созвучны политическим устремлениям буржуазии (...) Но „вольнодумство“ XVIII века как (...) движение, далеко выходящее за пределы индивидуальных исканий двух-трех отдельных мыслителей, остается забытым до сего дня». ⁷⁰ Трудно, кстати, не напомнить, что этот пассаж вкратце излагает основную идею будущих «Очерков по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века» Гуковского: «Милюков, Мякотин, Павлов-Сильванский, Туманов, а после этих буржуазных (...) историков их „ученики“, усиленно старались изобразить Радищева кадетствующим либералом-одиночкой (...) Давно уже пора положить конец заглушевыванию вопроса о Радищеве (...) Дело в том, что (...) наличность русской культуры во второй половине XVIII века давала уже возможность для создания радищевского мировоззрения; дело в том, что Радищев не был ни безумцем, ни одиночкой, ни странным исключением, — несмотря на исключительное значение, (...) выделяющее его из среды явлений менее ярких; дело в том, что среда эта, воспитавшая Радищева, а затем, вероятно, и поддерживавшая его, была». ⁷¹

Соотношение программных материалов в 9—10 томе «Литературного наследства»: три статьи, выражающие, по сути, одну точку зрения, и явно противоречащая им статья Д. Мирского — заставляет пересмотреть роль последней в томе. В отличие от Гуковского, Зильберштейна и Сергиевского, во многом старавшихся обосновать ценность дворянской литературы XVIII века, Мирский в своей статье утверждает, что права на изучение заслуживает, за редкими исключениями, только литература «третьего сословия», и именно за такие взгляды его критикует второй участник раздела «Трибуна», Сергиевский. Памятуя о том, что «Лит. наследство» в 1933 году являлось весьма политизированным журналом, следует предположить, что раздел полемики в нем был заведен вовсе не для того, чтобы объективно обсудить проблему, а для того, чтобы подвергнуть критике точку зрения, оставшуюся от прежнего, рапповского времени. О том, что статья Сергиевского должна была стать своеобразной «проработкой», говорит первоначальный вариант ее заглавия: «Против схематизма и вульгаризации в изучении литературы XVIII века». ⁷² Важно в связи с этим упомянуть, что изначально на роль «схематизатора» и «вульгаризатора» предполагалось пригласить бывшего главного редактора «Лит. наследства» и бывшего заместителя директора ЛИЯ Комакадемии Ипполита Ситковского. На это намекает одно место из письма Зильберштейна от 13 апреля 1933 года: «Ипполит уже месяцев семь в Праге представитель ТАССа. Проблемную статью о 18 веке нам не к чему давать» (л. 110 об.). Тут, по-видимому, «не к чему» употреблено не в значении цели («незачем»), а в том смысле, что проблемная статья должна была идти в паре с другой, положением которой она должна была опровергать. Вот в качестве автора такой-то статьи и был, скорее всего, найден Мирский. Напомню, что он на тот момент совсем недавно вернулся в Москву и работы его носили утрированно социологизированный характер, т. е. он на избранную

⁷⁰ От редакции... С. 1—2.

⁷¹ Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л., 1938. С. 6—9.

⁷² [Объявление о предстоящем выходе в свет] // Лит. газета. 1933. 29 окт. № 50. С. 6.

роль подходил идеально. То, что Мирский согласился участвовать в таком неблагоприятном для себя проекте, не должно вызывать удивления. Обращенных к нему писем редакции «Лит. наследства» не сохранилось, но об их характере можно судить по письму к В. А. Десницкому с предложением принять участие в продолжении полемики о литературе XVIII века, опубликованном в 19—21 выпуске журнала. Зильберштейн писал: «В очередном сборнике нашего издания мы предлагаем продолжить дискуссию по литературе XVIII века, начатую статьями Мирского и Сергиевского. Поскольку в этой дискуссии затрагивается ряд вопросов, которые Вы ставили в Вашей статье, предпосланной сборнику, посвященному ирои-комической поэме,⁷³ — мы считали бы крайне желательным Ваше участие в этой дискуссии. Последнюю мы думаем развернуть довольно широко с тем, чтобы вовлечь в нее не только литературоведов — из москвичей в ней будут участвовать Шкловский, Гудзий и др., — но и целый ряд историков. Из историков к настоящему времени дали согласие участвовать в дискуссии Гайсинович, Зельцер. Все названные товарищи в настоящее время уже работают над своими статьями. Если наше предложение Вас заинтересует, — а мы безусловно рассчитываем на Ваш положительный ответ, — то нам следовало бы немедленно договориться о возможных сроках сдачи Вашей статьи».⁷⁴ Из названных авторов в этом выпуске журнала были опубликованы только статьи Г. Гайсиновича и Н. К. Гудзия. Если рассмотреть композицию раздела «Трибуна» в номере 19—21, становится понятно, что статьи и Десницкого,⁷⁵ и Мирского, выступившего с опровержением нападок Сергиевского,⁷⁶ оказались здесь в том же качестве, в каком была использована статья Мирского в 9—10 номере: для затравки, как поле для критики. После них идут отрицательный отзыв Гайсиновича о «Чулкове и Левшине» Шкловского и томе «Ирои-комической поэмы» в серии «Библиотека поэта» и отклик Гудзия на публикацию Габель в 9—10 томе «Лит. наследства»,⁷⁷ а завершает раздел статья «Итоги дискуссии»,⁷⁸ подписанная «От редакции», которая раскрывает бессмысленность любой методологической дискуссии по вопросам изучения прошлого в связи с появлением Постановления ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школе».⁷⁹

В своем ответе на статьи 9—10 выпуска «Лит. наследства» Десницкий показал, насколько хорошо он понял, что план тома, заданный программными положениями Гуковского, был во многом полемичен его позиции. Первое и основное, что задевает его в статье Гуковского, — обоснование эстетической, а не политической значимости русской литературы XVIII века: «Его интересует не столько переосмысление XVIII в., не столько изучение его в плане марксистского понимания историко-литературного процесса, сколько восстановление интереса и вкуса к искусству, в основе которого лежала „рационалистическая концепция прекрасного, понятого вне зависимо-

⁷³ Имеется в виду статья: Десницкий В. А. О задачах изучения русской литературы XVIII века...

⁷⁴ РГБ. Ф. 439. Карт. 12. Ед. хр. 32. За сообщение текста этого письма сердечно благодарю С. И. Панова.

⁷⁵ Десницкий В. А. Еще раз к вопросу об изучении литературы XVIII века // Лит. наследство. Т. 19—21. С. 617—644.

⁷⁶ Мирский Д. П. Ответ И. Сергиевскому и В. Десницкому // Там же. С. 645—649.

⁷⁷ Гудзий Н. Об идеологии Княжнина // Там же. С. 659—664.

⁷⁸ Итоги дискуссии // Там же. С. 665—670.

⁷⁹ Ср. в редакторском предисловии к 1-му сборнику «XVIII век» (М.; Л., 1935): «В процессе двухлетней совместной работы значительное большинство членов группы (по изучению русской литературы XVIII века) пришло к единству понимания центральных и решающих проблем литературы XVIII столетия» (С. 1).

сти от времени и места”». ⁸⁰ Совершенно недопустимой для Десницкого являлась идея возвращения к изучению дворянской литературы: «Основное для него в другом: в воскрешении интереса к дворянскому XVIII в. как к эпохе, создавшей значимые и для нас эстетические ценности (...) Он патетически восклицает: „довольно прятать (? — В. Д.) целую эпоху русской литературы” и предлагает „в первую очередь дать возможность широкому читателю узнать Державина, узнать Сумарокова, Ломоносова, Хераскова, в сию плеяду (разрядка моя. — В. Д.) сумароковской школы и последователей Державина”». ⁸¹

Статья Десницкого стала известна Гуковскому в гранках или выписках, и он подготовил на нее опровержение, ⁸² которое не было принято редакцией, что привело к резкому ухудшению отношений между редакцией и ученым. Вряд ли этот отказ был продиктован недооценкой заслуг Гуковского: в то время, когда Зильберштейн просил у Десницкого статью, которая потом будет раскритикована, от Гуковского он ждет яркого материала, которым должен был открываться номер: «Очень прошу Вас придти нам на помощь еще раз и принять все меры к тому, чтобы дать нам какую-либо статью или публикацию по XVIII веку (...) этой статьей или публикацией сборник должен открываться, следовательно, она должна быть в достаточной мере выигршной» (л. 152). Дело, по-видимому, было в другом: в разделе «Трибуна», помимо подвергавшихся проработке статей, должна была быть только одна-единственная критическая работа, выражающая официальную точку зрения (Гайсинович и Гудзий высказывались не столько по вопросу о полемических программных статьях, сколько об отдельных книгах и локальных проблемах); ответ Гуковского на роль такой статьи не годился, поскольку в нем он, судя по отзыву П. И. Лебедева-Полянского, переходил большей частью на личности; ⁸³ помещать его в качестве критикуемого текста также смысла не было. Резким обменом мнений по поводу этой ненапечатанной статьи можно, по-видимому, объяснить появление в «Итогах дискуссии» следующей критики Гуковского: «Выступления Г. Гуковского, богатые фактическим материалом, не представляют собой глубокой попытки наметить принципы изучения литературы XVIII века. Необходимо констатировать несомненный отход от формалистических позиций, на которых стоял он прежде. Но отход этот еще половинчатый; рецидивы формализма (...) несомненно наличествуют в его статье. Судя по статье о „Недоросле”, помещенной в журнале „Русский язык и литература в средней школе” 1935 г., № 1, Г. Гуковский, отходя от формализма, идет пока что вульгарно социо-

⁸⁰ Десницкий В. А. Еще раз к вопросу об изучении... С. 619.

⁸¹ Там же. С. 618—619.

⁸² Объясняя положения этой ненапечатанной заметки, Гуковский писал Зильберштейну в мае 1935 года: «Я считаю, что выпады В. А. Десницкого против меня имеют характер диффамации меня, и никоим образом не могу примириться с допущением публикации этих выпадов, не реагируя на них. Конечно, редакция „Литературного наследства” может печатать или не печатать мой ответ. Но я считаю своей обязанностью добиваться всеми доступными мне способами оглашения моего протеста против недопустимых нападок на меня — либо в печати, либо путем обращения в соответствующие литературно-общественные организации» (л. 163—163 об.).

⁸³ Лебедев-Полянский — Гуковскому: «Ваша оценка статьи В. А. Десницкого как основанной на недопустимо неправильной передаче и искаженной цитации Вашего текста и даже имеющей характер клеветы представляется редакции явно не объективной. Право решать, допустимы или не допустимы в нашем издании отдельные места статьи, редакция во всяком случае оставляет за собой. Ко всему сказанному остается добавить только, что тон Вашей ответной заметки по своей резкости не только близок к тону статьи В. А. Десницкого, но и значительно превосходит тон последней» (л. 165).

логическими путями. Только преодоление формализма и вулгарного социологизма может дать полновесность нередко ценным изысканиям конкретного порядка, которые имеются в работах Гуковского».⁸⁴

* * *

Материалы переписки редакции «Лит. наследства» с авторами тома о XVIII веке позволяют не только восстановить общую канву составления тома, но и рассмотреть отдельные сюжеты его истории. Так, становится известно, что публикацию так называемой ранней редакции «Недоросля» Г. Коровин готовил по инициативе и под непосредственным руководством своего учителя, Г. А. Гуковского, и что в определенный момент предполагалось, что предисловие к публикации напишет В. А. Десницкий.⁸⁵ Удастся установить, что в процессе работы над томом Гуковский смог материально поддержать Л. Н. Гумилева: тот принял участие в подготовке болотовских материалов.⁸⁶ Оказывается, что, несмотря на то что идея публикации материалов о Ф. В. Кречетове появилась у редакции на том раннем этапе, когда впервые было решено сформировать в журнале раздел, посвященный XVIII веку,⁸⁷ — эти материалы долго не могли найти своего автора: ими в разное время занимались (или предполагались как авторы) Гуковский, Г. М. Коровин, С. М. Бонди, Харджиев, Сергиевский, С. К. Шамбинаго, и лишь неделю спустя после начала сдачи номера в набор за них принялся Н. Чулков.⁸⁸

⁸⁴ Итоги дискуссии. С. 667.

⁸⁵ Гуковский — Зильберштейну: «Илья Сам! Вы пишете, — не дать ли предисловие к Фонвизину Десницкому? Ни за что. Я категорически против этого. Текст Фонвизина нашел я, и я по своей воле передал его для обработки моему ученику — для того, во-первых, чтобы не заполнять весь номер журнала своей фамилией, и для того, во-вторых, чтобы дать ход моему ученику. Мое добродушие стоит мне, полагаю, около 300 рублей, т. к. приготовить эту рукопись я сам мог бы в один день. Дарить это дело Десницкому я никак не хочу» (л. 90—90 об.).

⁸⁶ В марте 1933 года Гуковский писал Зильберштейну: «При сем пересылаю счет за переписку с рукописей Болотова за 2 печ. листа. Очень прошу по возможности спешно оплатить этот счет, т. к. человек, писавший Болотова, очень нуждается. Деньги по счету я уже заплатил свои. Прошу Вас — пришлите их мне поскорее» (л. 84 об.). Как становится известно из ответного письма Зильберштейна, счет был на 80 рублей: «Что за дикий счет Вы прислали мне на переписку Болотова? Мы платим за переписку на машинке 2.50, в самых редких случаях 3 р., это значит, за печатный лист как максимум 15 рубл. Никогда, ни при каком случае, мы не можем платить по 40 р. за переписку печатного листа» (л. 89). Гуковский объяснялся: «Вас удивил счет, который я прислал! Я не понимаю, почему Вы удивляетесь, не расчухав в чем дело. Вы думаете, что речь идет о машинистке, а на самом деле тексты переписывались от руки — с рукописи XVIII века (!). Вы платите за переписку иностранных рукописей до 80 рублей за лист (...) а тут вдруг дорожите. Между тем, Вы гоните темпы, (...) нужно готовить к сроку немисливо близкому, а машинистки решительно отказываются печатать с рукописей XVIII в., которые для них нечитабельны. По-моему, я поступил единственно правильно, наняв переписчика от руки» (л. 93—93 об.). Переписчиком этим являлся Л. Н. Гумилев, в 1933 году — университетский ученик брата Г. А. Гуковского, Матвея: «Сколько всего денег уплачено было за переписку болотовских материалов? По бухгалтерским данным — 200 р. 120 — Гуминер и 80 Гумилеву» (л. 123).

⁸⁷ На письме Гуковского Зильберштейну от 13 апреля 1932 года, являющемся горячим откликом Гуковского на предложение готовить подобный раздел, стоит редакционная помета синим карандашом: «О Кречетове» (л. 26); уже в следующем своем письме редакции — от 13 мая, по-видимому, после устной беседы с кем-то из представителей редакции Гуковский пишет: «Завтра пойду в Центрархив искать кречетовские документы» (л. 30 об.).

⁸⁸ Только в октябре 1932 года Гуковский выяснил, что сенатское дело о Кречетове хранится не в Ленинграде, а в Москве; в дальнейшей сложности поиска автора для публикации определялась тем, что ни Гуковскому, ни редакции не были хорошо известны московские исследователи, занимавшиеся XVIII веком: «Прежде всего о кречетовских материалах. Поелику в Ленинграде ничего не находится, придется очевидно предпринять соответствующие поиски в Москве. Не могли ли бы вы указать нам кого-нибудь из московских работников, которому можно было

Можно было бы привести еще несколько подобных примеров; однако, говоря о 9—10 томе «Лит. наследства», ни в коем случае нельзя обойти вниманием историю несостоявшейся публикации переписки Екатерины II с Г. А. Потемкиным, подготовленной Я. Л. Барсковым и анонсированной в приложении к 7—8 тому журнала. Рассматривая в свете редакционной переписки различные версии этой не-публикации, следует опровергнуть ряд высказанных на данный момент точек зрения. Прежде всего, совершенно не соответствует действительности позднейшее свидетельство Зильберштейна: «Я. Л. Барсков предложил нам публикацию неизданных писем Екатерины II к Потемкину, но мы от нее отказались: документы эти не имели никакого отношения ни к литературе, ни к истории и отличались изрядным количеством интимных подробностей».⁸⁹ Редакция, напротив, как следует из переписки, явно заинтересовалась этими письмами. Еще не ознакомившись с ними, доверяя только суждению Гуковского («Такие письма (...) лучше всякого литературного произведения. Ну, а для историка-то они клад» (л. 83)), Сергиевский соглашался опубликовать их: «Царскость [этих] материалов нас нисколько не смущает и в общем у нас такое настроение, чтобы использовать эти материалы» (л. 79). По ознакомлении же с ними редакция явно стала осознавать их как важнейшую часть номера. Барскову как автору были предоставлены совершенно исключительные условия. Работа по тому велась очень быстро: план его сложился в начале марта, а уже 5 апреля первые материалы поступили в печать. В таких условиях редакция позволила Барскову работать над предисловием к публикации до начала мая, несколько раз разрешая перенести срок сдачи.⁹⁰ Вряд ли обоснованно и свидетельство В. Д. Бонч-Бруевича, в архиве которого сохранились гранки писем: «Это исследование (...) не было разрешено к печати в советское время».⁹¹ Неужели в «Лит. наследстве» могли решиться печатать обширный царский материал, не согласовав этот вопрос предварительно с соответствующими руководящими органами? Как показывает переписка редакции с Гуковским, наиболее вероятной причиной того, что письма не были напечатаны, послужило обстоятельство, на которое Бонч-Бруевич указывает дальше: «Придет время, когда [эти письма] у нас напечатают. Они нуждаются в

бы поручить это дело. Ведь нужен человек, который все-таки имел бы представление об эпохе. А я что-то таких здесь в Москве затрудняюсь припомнить» (л. 44). О том, что над публикацией работает Н. Чулков, Зильберштейн сообщил Гуковскому письмом от 14 апреля 1933 года: «Над Кречетовым сидит старик Чулков» (л. 111 об.).

⁸⁹ Зильберштейн И. Подмена сути! // Лит. газета. 1984. 11 янв. № 2. С. 4.

⁹⁰ 28 марта 1933 года Сергиевский писал Гуковскому: «Давайте условимся так: все, что вы получите из статей и публикаций после 5/IV, мы не даем. Исключение составим лишь для Тынянова, Десницкого (о котором ниже) и для обзора Барскова» (л. 97); в письме от 4 апреля речь шла об этом же: «Григорий Александрович, давайте прекратим с 8 апреля прием работ для книги по XVIII веку. Единственное исключение давайте сделаем для обзора Барскова. Но и эта перечница сдаст хотя бы к 9 — самое максимальное к 10 апреля; если, конечно, что-нибудь вы можете вытянуть от Десницкого, то вытягивайте. Всех же других авторов, сдающих свои работы после 8/IV, предупреждайте, что ввиду просрочки мы не даем речательства, что их работа появится, так как Гознак их очевидно не примет» (л. 98); 19 апреля, когда все сроки уже прошли, Сергиевский писал: «Если Троцкий до сих пор не сдал конца обзора, мы от него отказываемся. Если Чернов не сдал обзора — также отказываемся. Самый последний срок для Барскова, Десницкого и хроники — 23 число, т. е. в этот день вы должны мне выслать эти материалы в совершенно отредактированном виде. Если я эти материалы получу после 25 числа — я верну их обратно» (л. 117); и, наконец, 25 апреля сообщил: «Получил сегодня письмо от Барскова. Просит разрешения сдать обзор 26 числа. Телеграфно разрешил ему это. Заканчивайте присылку материалов, очень прошу вас снова. Где хроника? Что наконец с Десницким: самый наипоследний срок для него — 2 мая. Вы мне должны выслать 3 мая, позднее этого мы не сдадим ни одной строчки, кроме предисловия» (л. 118).

⁹¹ Цит. по: Эйдельман Н. Я. Указ. соч.

остро-политическом предисловии».⁹² Собственно, «остро-политического» характера и не смог придать Барсков своему предисловию, а без него, конечно, этот материал в 1933 году был обречен. О написанном Барсковым предисловии можно судить по сопровождавшему его отсылку письму Барскова к Зильберштейну: «У меня нет таких выражений, как „торговый капитал“, „классовая борьба“, „производственные отношения“; но мне думается, что и без них ясно, на какой почве <...> выросли Е<катерина> и П<отемкин>. Если же Вы считаете необходимым сказать несколько слов о феодализме, о классовом лице П<отемки>на, то можно дать еще заключительную страницу. Она и была написана, но я ее отбросил, п. ч. считаю достаточно выразительной заключительную фразу, прямо вытекающую из всей статьи. Размазывать, откуда взялся этот союз оппортунистки и авантюриста, я считал излишним: кое-что всегда нужно оставлять и на догадку читателя».⁹³ Понятно почему, получив такое предисловие, Сергиевский писал Гуковскому: «Конечно, очень тяжелый случай со статьей Барскова <...> Дать ее придется второй статьей <...> Подумайте, у кого нам попросить первую статью <...> Во всяком случае отработайте как следует [текст] Барскова, и сделайте его таким, чтобы его можно было дать вторым предисловием» (л. 111 об.). Начались поиски автора для «первого предисловия». Предлагались поочередно Десницкий, В. И. Невский, С. Г. Томсинский и М. В. Нечкина.⁹⁴ В результате, когда Барсков дослал вторую часть своего предисловия, в редакции окончательно схватились за голову: «Какой все-таки Барсков дурак. Свое предисловие даже библиографически он сделал далеко не четким <...> Почему он не сказал хотя бы в одном абзаце подробно о тех письмах <...>, которые уже опубликованы <...> Списка сокращений он также не прислал. Вот старая галоша» (л. 118). Совокупность всех этих обстоятельств — нехватка времени, идеологические недостатки предисловия и изъяны научного аппарата, как видно, и не позволили переписке Екатерины II с Потемкиным появиться в свет в 1933 году.

* * *

В последних числах апреля 1933 года почти все материалы будущего тома «Лит. наследства» поступили в редакцию, в течение всего лета шло чтение корректур, в декабре том вышел в свет. И в конце месяца Институту русской литературы была выделена дополнительная ставка для приема Г. А. Гуковского на работу в Группу XVIII века. Приход Гуковского в Пушкинский Дом совпал с очередной партийной чисткой, о результатах которой печатный орган АН СССР писал так: «Парторганизация ИРЛИ, проделав большую работу по выполнению решений комиссии по чистке, сумела провести перестройку научно-производственной работы, привлекла для работы в институте ряд крупных квалифицированных научных работников и сплотила их вокруг задач парторганизации».⁹⁵ Как кажется, проявленные Гуковским при составлении тома «Лит. наследства» организаторские и научные способности сыграли в этом назначении не последнюю роль. Более того,

⁹² Там же.

⁹³ РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. № 12. Л. 15 об.

⁹⁴ Сергиевский — Гуковскому: «Не дать ли письма Екатерины на предисловия Томсинскому. Он, кажется, хорошо знает эту эпоху. Мы могли бы прислать ему все в гранках. Позвоните ему срочно по телефону и узнайте, если он откажется, буду говорить с Нечкиной» (л. 116).

⁹⁵ Партком АН об ИРЛИ // За социалистическую науку. 1934. 28 февр. № 6 (50). С. 1. Заседание парткома состоялось 15 января; чистка проходила в декабре.

как показывают материалы архива ИРЛИ в ПФА РАН, вначале на этом месте Гуковский мыслил свою организационную деятельность как продолжение работы, связанной с выпуском тома «Лит. наследства».

Гуковский пришел в Пушкинский Дом, когда писались отчеты и планы, и уже несколько недель спустя составил первый проект плана работы группы на 1934 год.⁹⁶ План этот обнаруживает знаменательную зависимость от недавно опубликованного тома «Лит. наследства». Из 20 предложенных здесь тем для научных докладов на заседаниях группы (тогда они проходили дважды в месяц) четыре напрямую связаны с подготовкой тома «Лит. наследства». Это, прежде всего, поставленное первым номером обсуждение доклада Д. Мирского «Основные проблемы изучения русской литературы XVIII века». Предложенные доклады В. А. Десницкого «„Недоросль“ Фонвизина» и «Беседа любителей Российского слова» на разных этапах работы над томом фигурировали как возможные публикации в нем Десницкого.⁹⁷ Доклад И. М. Троицкого «Радищевские материалы» должен был, конечно, включать и те материалы о сыновьях Радищева, от которых однозначно отказалась редакция⁹⁸ и которые были позже опубликованы в сборнике «Радищев» (1936).⁹⁹ Обращает на себя внимание и жанровое сходство предложенных докладов с содержанием «Лит. наследства»: «Обзор архива Хвостова» Н. И. Мордовченко и «Материалы Академии наук о Третьяковском» Л. Б. Модзалевского. Большая часть перечисленных в плане докладчиков принимали или должны были принимать участие в томе «Лит. наследства»: Д. П. Мирский, В. А. Десницкий, Г. А. Гуковский, П. Н. Берков, И. М. Троицкий, Я. Л. Барсков, В. Н. Орлов, С. М. Бонди; «новыми» лицами были только Мордовченко, Модзалевский, Н. К. Пиксанов и П. Г. Любомиров. Авторы тома можно найти и среди коллектива будущего сборника ИРЛИ о XVIII веке: С. Н. Чернов, Н. А. Коварский, М. О. Габель. Публикаторская работа специально планировалась и в нем: Б. В. Томашевский должен был опубликовать «неизданного Шаховского». Помимо сказанного, следует отметить, что и сами первые сборники «XVIII век» обнаруживают определенную аналогию по масштабу и задачам с «Литературным наследством». Прежде всего, сборник задумывался Гуковским изначально не как рядовое событие, а как одно из основных изданий ИРЛИ. Об этом можно судить по характеристике плана института, данной на заседании парткома АН: «Считать основной производственной задачей парторганизации ИРЛИ — безусловное выполнение производственного плана Института (выпуск Пушкина, Гоголя, сборника по литературе XVIII в., Успенского, Тургенева и др.) на 1934 г.».¹⁰⁰ Можно предположить также, что идея богато ил-

⁹⁶ ПФА РАН. Ф. 150. Оп. 1 (1934). № 2. Л. 101—101 об. План датирован 14 февраля 1934 года.

⁹⁷ Сергиевский — Гуковскому: «Видели ли Десницкого? Нашли ли что-нибудь у него? Если нет, сделайте это самым срочным порядком. Может быть, дать ему написать предисловие к „Недорослю“?» (л. 87); «Виделись ли с Десницким? Обязательно используйте его в номере по XVIII веку. Жалко, что не его предисловие к Фонвизину. Может он напишет вступление к Болотову?» (л. 89); Гуковский — Сергиевскому: «Наконец добился я толку и от Десницкого. Он дает нам протоколы „Беседы любителей росс(ийского) слова“. Кроме того, я решил, что м. б. все-таки ему написать и статью к фонвизинской комедии, но с тем условием, чтобы и заметка Коровина осталась» (л. 105).

⁹⁸ Сергиевский — Гуковскому: «Совершенно чепуховская публикация это вторая заметка Троицкого о сыновьях Радищева. Одновременно возвращаю вам ее. По правде говоря, удивлен, Григорий Александрович, что вы ее прислали. К чему она? Скорее возвращайте ее Троицкому» (л. 106).

⁹⁹ Троицкий И. М. К биографии Радищева (Сыновья Радищева в период отцовской ссылки) // А. Н. Радищев. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. С. 401—415.

¹⁰⁰ Партком АН об ИРЛИ...

люстрировать первый сборник родилась у Гуковского именно из опыта работы с «Лит. наследством». В сборниках было опубликовано несколько работ, не принятых редакцией «Лит. наследства». Помимо названных материалов о детях Радищева, это, в частности, статья П. Н. Беркова «Из истории русской поэзии первой трети XVIII века» и одна из его заметок цикла «Неиспользованные материалы для истории русской литературы XVIII века» — об Андрее Петровиче Шувалове.

* * *

Памятуя вступительные строки этой статьи, можно сказать, что как бы ни было трудно искать истоки и начала, давать этические оценки ученым прошлого еще сложнее. В предисловии к сборнику ранних работ Гуковского В. М. Живов пишет о его трудах после 1930 года: «Формалисты (...) принялись преодолевать формализм и осваивать социологический дискурс (...) Гуковский одним из первых справился с ситуацией (...) От литературоведения требовался классовый подход и идеологический анализ. Уже в 1933 г. Гуковский публикует статью „Солдатские стихи“, обращаясь к творчеству „социально близкого“ большевикам класса».¹⁰¹ Как показывает приведенный выше материал, ситуация была на самом деле значительно более сложной. Да, с одной стороны, несомненно, что Гуковский, публикуя солдатские стихи и активно участвуя в составлении тома «Лит. наследства», должен был считаться с требованиями эпохи. В рассматриваемое время в Ленинграде над изучением русской литературы XVIII века работали такие ученые, как например Б. И. Коплан, которые вряд ли стали бы связывать свои имена с таким неоднозначным изданием, каким было «Литературное наследство» в первые годы своего существования. Но не стоит все же забывать, что именно Гуковский добился того, что в этом программном томе русская литература XVIII века оказалась представлена во всем своем разнообразии. Блестящее знание материала, несомненная научная корректность заставляли Гуковского помнить, что без таких писателей, как Ломоносов, Херасков, Муравьев, Княжнин, Державин, русская литература XVIII века немислима. И благодаря тому, что Гуковский стал соредактором тома и, по сути, единственным человеком, который смог сплотить вокруг себя людей, занимавшихся в то время этой не самой популярной эпохой, изучение русской литературы XVIII века вернулось к традиционному, но все же наиболее перспективному направлению. Как бы то ни было, научная ответственность и опора на конкретный фактический материал (в чем никак не могли отказать Гуковскому даже его критики) переживают любой хронос. Так и политизированный орган РАПП и ЛИЯ Комкадемии превратился за почти 80 лет в наиболее выдающуюся в отечественном литературоведении научную серию.

¹⁰¹ Живов В. М. XVIII век в работах Г. А. Гуковского, не затронутых советским хроносом // Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М., 2000. С. 29—30.